

«Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой...» — писал А. М. Горький.

Впервые публикуемый сегодня фрагмент из воспоминаний современника рассказывает о встречах Горького и Чехова.

Весной 1899 года ялтинская «белая дача» Чехова еще не была построена, и он жил неподалеку, на Ауткинской улице, в доме К. М. Иловайской, занимая две комнаты нижнего этажа. Сюда-то 19 марта и пришел к нему впервые Максим Горький.

Приход этот не был случайным. Ему предшествовала переписка, начатая Горьким. В первом же письме к Чехову осенью 1898 года, посылая два тома своих только что вышедших «Очерков и рассказов», он признавался в «искреннейшей горячей любви», которую питает к Чехову «со времен младых ногтей». Так это и было, о чем единодушно свидетельствуют люди, встречавшиеся с Горьким. Н. Евреинов, например, вспоминал, как еще 16-летний Алеша Пешков показал ему, в то время казанскому гимназисту, какой-то рассказ Чехова, помещенный в юмористическом журнале, и, восхищаясь этим рассказом, «высказал желание научиться самому так писать». А ведь тогда, в 1884 году, критика упорно не хотела замечать талант писателя-юмориста, видя

при том, настоящий, большой талант. Например, в рассказе «В степи» он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек. Вы чувствуете превосходно. Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и описываете руками! Это настоящее искусство. Вот Вам мое мнение, и я очень рад, что могу высказать Вам его. Я повторяю, очень рад, и если бы мы познакомились и поговорили час-другой, то Вы убедились бы, как я высоко Вас ценю и какие надежды возлагаю на Ваше дарование».

Встреча с Чеховым произвела на Горького огромное впечатление. «Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним», — писал Горький жене, Е. П. Пешковой, после свидания с Чеховым. И в следующем письме сообщал: «Всю ночь до шести утра просидел у Чехова». А уехав из Ялты, Горький писал Чехову: «Я Вас, батюшка, люблю, люблю очень, горячо, любил, когда еще не знал, узнав — люб-

к 120-летию со дня рождения А. П. ЧЕХОВА

«...ВСЕ ТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ, ЕСТЬ ДЕЛО НАРОДНОЕ»

Антон Павлович

мало похоже на него, обычно сдержанного, молчаливого (речь идет, разумеется, о Чехове ялтинского периода). Иное дело — Горький, прекрасный рассказчик, умерший и любивший говорить, обладавший феноменальной памятью, за плечами которого уже был многообразный выстраданный жизненный опыт.

Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, достаточно обратиться к неизвестному до сих пор свидетельству одного из современников — Сергея Николаевича Щукина, учителя ялтинской церковной школы, в те годы начинающего литератора, пользовавшегося советами Чехова. Широко известны воспоминания Щукина, в частности, они вошли в сборник «Чехов в воспоминаниях современников». Но в семейном ар-

хеалка Бальзаком, говорил с восторгом о его языке. Полно: «все редкое — красиво». «Вот, — восклицал он, — так сказать, так написать, это я понимаю».

Чехов, как я уже сказал, больше молчал и как будто присматривался к Горькому. Помнится, Горький написал в то время уже много рассказов: «Бывшие люди», «Пролодимец», «Мальва» и т. д. Было замечено, что Чехов относился к нему несколько покровительственно, а Горький — уважительно. Они были очень внимательны и, прощаясь (Горький только что приехал), просили друг друга быть знакомыми и навещать один другого. Горький очень интересовался Чеховым и прислушивался к его разговору, к его мнениям».

С. Н. Щукин отметил харак-

С последних дней жизни А. П. Чехова, прошедших в Баденвейлере, мы знаем мало. Всякая подробность, возникающая вдруг из небытия, трогательна и значительна. Чрезвычайно редки находки неопубликованных писем А. П. Чехова. В процессе подготовки нового, академического собрания сочинений и писем Антона Павловича, где письма занимают 12 томов, нам удалось обнаружить и напечатать считанное число таких документов. Незвестное письмо, отправленное из Баденвейлера — это драгоценная находка.

Всего несколько строк, но в каждой из них — печать высокого духа, изумлявшего всех кто знал Чехова в последние годы его жизни.

Л. ОПУЛЬСКАЯ, заместитель главного редактора полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова

3/16 июня 1904 года (все даты даются далее по новому стилю) тяжело больной А. П. Чехов выезжает вместе со своей женой, Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, из Москвы в Германию. Врачи рекомендуют ему для лечения один из курортов Шварцвальда, чистый горный воздух которого благотворно действовал на легочных больных. Выбор падает в конце концов на Баденвейлер, небольшой шварцвальдский курорт неподалеку от швейцарской границы.

18 июня Чеховы прибывают в Берлин, живут там три дня, а 21-го уезжают в Баденвейлер «на свое длительное местопребывание», как писал в тот же день Антон Павлович М. П. Чеховой. Однако улучшение здоровья, наступившее, как казалось, в первые дни, сменилось через несколько недель резким ухудшением. В ночь с 14 на 15 июля Чехова не стало. Он пролежал, таким образом, в Германии около месяца.

Об этих последних днях Чехова сохранилось сравнительно немного сведений: они содержатся прежде всего в тех письмах, которые он писал тогда знакомым и близким. В последнем томе полного собрания сочинений и писем Чехова, изданном в 1951 году, напечатано 3 письма из Берлина и 14 — из Баденвейлера.

Неизвестное доныне письмо Чехова, недавно обнаруженное и впервые публикуемое ниже, проливает свет на некоторые обстоятельства его пребывания в Берлине и Баденвейлере. Оно обращено к Григорию Борисовичу Иоллосу, которого без преувеличения можно назвать «последним другом» Чехова, хотя «дружба» их и была трагически кратковременной.

Г. Б. Иоллос получил известность на грани веков как берлинский корреспондент «Русских ведомостей». Его «Письма из Берлина» пользовались в России широким и заслуженным признанием. Он был лично знаком с Короленко, Успенским и другими писателями.

В годы первой русской революции Иоллос вовлекается в общественную жизнь. В конце 1905 года он возвращается из Берлина в Москву и вскоре избирается депутатом 1-й Государственной думы. В марте 1907 года Иоллос был убит на

Помощником, переводчиком и гидом Чеховых в Берлине оказался Иоллос. Чехов обратился к нему по рекомендации В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей», с которым был давно и близко знаком. В письме из Баденвейлера 25 июня Чехов благодарит Соболевского «за Иоллоса»:

«Это превосходный человек, с высшей степени интересный, любезный и бесконечно обязательный. Я три дня прожил в Берлине и все три дня чувствовал на себе заботу Иоллоса...» Насколько я мог его понять, понятия о себе он очень скромного и не знает точно, каким успехом у нас в Москве да и в России пользуются его письма из Берлина».

В ответном письме Соболевский дает подробную характеристику Иоллосу.

«Это — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко; жена тяжело и безнадёжно нервная, больная и мис-сого» др-«го»>

ПЕЧАТЬ ВЫСОКОГО ДУХА

ПО СЛЕДАМ НОВОНАЙДЕННОГО ПИСЬМА

прочее, начиная вынужденным, собственно, отъездом из России, где он мечтал о нафедре и готовился к ней <...> А посмотрите, как он прямо себя держит, как бодро носит голову. Я встречаюсь с ним, всегда чувствую, что меня кто-то как будто под руки водит и ноги мои передвигает. И таких за границей немало, не считая, конечно, его исключительно хороших личных нравственных и сердечных свойств» (отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина).

В Берлине писатель и его жена остановились в отеле «Савой». «Берлин мне очень нравится...» — писал Чехов своей сестре Марии Павловне. В каждом письме из Берлина он сообщает об улучшении здоровья.

19 июня Чехов едет в Тиргартен (район Берлина), где находился крупный берлинский банк Мендельсона. Здесь писатель рассчитывал получить гонорар за немецкие переводы своих произведений. В начале века Чехова много переводят на немецкий язык, и он приобретает в Германии широкую известность. Оказавшись в Берлине, Чехов с вниманием знакомится с немецкими переводами своих сочинений. Из публикуемых ниже писем Чехова и Иоллоса явствует, что именно последний приобрел для писателя переводы его книг.

21 июня Антон Павлович и Ольга Леонардовна покидают Берлин; при отъезде им помогает Иоллос, проводивший их на Потсдамский вокзал.

Первое письмо, написанное ими совместно из Баденвейлера, адресовано в Берлин их новому другу.

что значит auf Veranlassung? В свободную минуту побывайте или еще лучше пошлите кого-нибудь к Мендельсону, пусть вышлет нам деньги по вышесказанному адресу.

Картонку Вашу жду. Подпись, число, название газеты и Берлин — вот что нужно и фотографии. Подпись прочтем в конце. Я был бы совершенно здоров, если бы не одышка. Ноги прошли совершенно. Здешний д-р Schwöbe — хороший доктор, порядочный человек по-видимому и знает свое дело прекрасно. За Берлин я Вам бесконечно благодарен и очень рад и доволен, что познакомился наконец с Вами. Желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны.

Ваш
А. ЧЕХОВ

Сколько я должен Вам за книги?»

Любопытно в данном письме упоминание о фотографии. Трудно установить, куда и кому намеревался послать Антон Павлович фотографию своего нового знакомого и краткие сведения о нем. Об этом, как явствует из письма, Чехов и Иоллос говорили еще в Берлине. Однако выполнить свое намерение Чехову, по всей видимости, не удалось. В архиве А. П. Чехова (отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина) хранится ответное письмо Иоллоса, написанное, судя по содержанию, 26 или 27 июня.

«Многоуважаемый Антон Павлович!

Получив вчера Ваше письмо, я зашел к Мендельсону, представил чек и добился об-

тужено дыша. Помню единично, что, когда поезд отходил, он, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на месте, вынул из окна и долго кивал головой, когда поезд двинулся. По приезде сюда, в Баденвейлер, он первые дни чувствовал себя бодрее, говорил о своих планах, мечтал о путешествии по Италии и хотел вернуться в Ялту через Константинополь. Appetit и сон были лучше: но уже на второй неделе здешнего пребывания стали проявляться беспорядок и торопливость, — комната ему не нравилась, хотелось другого места. Они перебрались в частный дом Villa Friederike, и там повторилось то же самое: пара спокойных дней, затем снова желание куда-нибудь подальше. О «льга» Л «еонардовна» нашла прекрасную комнату с балконом в Hotel Sommer, и здесь он, сидя на балконе, любил наблюдать сцены на улице. Особенно его занимало непрерывающееся движение у дома почты «Видишь, — говорил он жене, — что значит культурная страна: все выходит и входят каждый пишет и подает прошение». Вызвал А «снтон» П «авлович» почти ежедневно с «О-льгой» Л «еонардовной» натаска в лесу, проезжая через деревню, любил бывать крестьянскими чистыми домами и вздыхал: «Когда же у нас так мужики будут жить!» Так дни проводил до начала этой недели... А «снтон» П «авлович» производил впечатление серьезного больного, но никто не думал, что конец так близок <...> Только в ночь с четверга на пятницу, когда после первого камфорного шприца пульс не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись в 1-м часу ночи, Антон Павлович стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал об японцах, но затем пришел в себя и с грустной улыбкой сказал жене, которая клала ему на грудь мешочек со льдом: «На пустое сердце льда не кладут» <...>

Последние его слова были «Умираю», и потом еще тише, по-немецки, к доктору: «Ich sterbe...» Пульс становился все тише... Умирающий сидел в постели, согнувшись и подпертый подушками, потом вдруг склонился на бок, — без вздоха, без видимого внешнего знака жизни, остановился. Необыкновенно доверное, почти счастливое выражение появилось на сразу помолодевшем лице. Широко раскрытое окно вело свежестью и запахом сена, над лесом показывалась заря. Кругом ни звука, — маленький курорт спал; врач ушел, в доме стояла мертвая тишина; только пение птиц доносилось в комнату, где, склонившись на бок, отдыхал от трудов замечательный человек и рабочий, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцелуями. Виду особой любезности и berühmter russischer Schriftsteller» хозяин отеля согласился оставить тело в комнате, на следующую ночь его тайком, через задние коридоры, вынесли в часовню, где оно останется до отхода поезда в Россию» <...>

Иоллос сопровождал гроб с телом Чехова до самого Берлина. Он находился около Ольги Леонардовны, оказывая ей реальную помощь в те трудные для нее дни. «Через один из трех округов Германии...» рассказывает Ольга Леонардовна, — не пропустили вагон с телом курьерским поездом, и только за четверть часа до отхода вечернего поезда, благодаря невероятному хлопотам сына Иоллоса, удалось получить разрешение».

В Берлине Иоллоса ожидало письмо от В. М. Соболевского. В нем редактор «Русских ведомостей», насколько можно судить, благодарил своего берлинского корреспондента за все то, что он сделал для Чехова, а кроме того, сообщил ему отзыв писателя (то есть отрывок из письма его к Соболевскому от 25 июня). Иоллос отвечает Соболевскому:

«Вы мне доставили большое удовольствие своим милым, сердечным письмом <...> Дорого хорошее мнение такого человека, как покойный Антон Павлович, не менее подало меня Ваше теплое отношение, выраженное в том письме, написанном в минуту скорби» (ИГАЛИ).

Письмо Ольги Леонардовны и Антона Павловича Иоллос оставил у себя — как память о своем кратком знакомстве с ними. Уезжая в 1905 году в

А. М. ГОРЬКИЙ,

ХОРОШО ВСПОМНИТЬ О ТАКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

в нем лишь рядового сотрудника «малой» прессы.

Один из первых русских марксистов С. И. Мицкевич рассказал, как в 1893 году при встрече с ним Горький детально разобрал чеховский рассказ «Поцелуй», удивив «тонкостью литературной оценки» и «самостоятельностью мысли».

Чехов также был заинтересован состоявшимся знакомством: «В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек — и я очень рад».

А месяц спустя, уже из Москвы, Чехов с удовольствием сообщает Горькому отрывок из письма Николаевича Толстого: «Третьего дня я был у А. Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель».

Как же происходили первые встречи Горького и Чехова, каких тем касались в разговоре писатели? Сведения об этом чрезвычайно скудны. Мемуарный очерк Горького «А. П. Чехов» суммирует впечатления Горького от многих его посещений Чехова. Творческой задачей Горького было воссоздание личности Чехова, стремление донести его образ мыслей, манеру говорить. Поэтому диалоги Чехова и Горького превратились под пером мемуариста в чеховские монологи. Себе же Горький отвед роль слушателя, изредка вставляющего краткую реплику или задающего вопрос. Но, зная, что беседы двух писателей заходили за полночь, а то и продолжались до утра, пришлось бы себе представить, что Чехов говорил часами напролет. А это так

лю еще больше. Мне дорого каждое Ваше слово, и Вашим отношением ко мне — горжусь, будучи уверен, что оно — лучшая мне похвала и самый ценный подарок от судьбы».

Чехов также был заинтересован состоявшимся знакомством: «В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек — и я очень рад».

А месяц спустя, уже из Москвы, Чехов с удовольствием сообщает Горькому отрывок из письма Николаевича Толстого: «Третьего дня я был у А. Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель».

А. П. Чехов и А. М. Горький. Ялта, 1900 г.

живе Щукина, бережно хранимом его дочерью М. С. Щукиной, нам удалось обнаружить черновик одной записки, не вошедшей в опубликованный текст мемуаров. Не обработанный автором, стилистически шероховатая и в известной мере конспективная эта запись содержит, однако, ряд ценных сведений и наблюдений.

«В эти первые посещения я встретил у него два раза Горького. Горький тогда только что начинал быть известным. Он заходил к Чехову и сидел долго. Было любопытно наблюдать их. Чехов сидел и говорил мало; Горький все ходил по комнате и говорил очень много и все о себе. Видно было, что его еще не знают хорошо в литературных кружках, по крайней мере, не знал Чехов, и Горький, так сказать, знакомил с собой. Не знаю, где и когда, я как-то не интересовался этим, они познакомились, но впечатление было такое, что очень недавно».

Горький говорил о многом; сообщал некоторые эпизоды из своей прежней жизни; говорил о румынских (одно слово неразборчиво. — Е. С.), о том, как он переходил тайком

терную особенность этих первых встреч — Горький «знакомил с собой» Чехова, рассказывая о своей богатой впечатлениями и приключениями жизни. Точность записки Щукина подтверждается многими документами и воспоминаниями, часть из которых еще хранится в архивах, и в частности воспоминаниями О. Ю. Каминской (ей посвящен рассказ «О первой любви»). Горький действительно хотел перейти границу, чтобы попасть во Францию, где в начале 90-х годов жила она.

Высокая оценка Бальзака оставалась неизменной на протяжении всей жизни Горького. Полубившийся Горькому афоризм (у Щукина — «все редкое — красиво») в более точном переводе приведен писателем в начале очерка «М. М. Коцюбинский» (1913): «Прекрасно — это редкое» — говорили Гонкуры. Возможно, Горький в разговоре с Чеховым упоминал и Гонкуров. В своей статье «О Бальзаке» Горький писал, что после чтения романа Э. Гонкура «Братья Земганно» ему захотелось познакомиться и с другими писателями Франции. Огромное впечатление на него произвел тогда роман Бальзака «Шагреневая

кожа».